

Что-то было не так. Инстинкты Темпеста обострились, и в глубине души поселилось неприятное чувство, словно холодный груз. Это было до жути знакомо, слишком знакомо. Внезапная перемена в поведении Фурины, игривая маска, вернувшаяся на место после краткого проблеска чего-то более мрачного, заставила его вздрогнуть. Ему показалось, что он вернулся в тот извращённый кошмар, где Коломбина играла с его разумом, стирая грань между реальностью и иллюзией.

"Это ещё одна трюк?"

Он подумал про себя, прищурившись и наблюдая, как Фурина порхает по комнате, словно ничего не случилось.

"Это ещё одна иллюзия?"

Он почувствовал, как участился его пульс, когда его разум прокрутил моменты, которые он провел, попав в ловушку игры Коломбины. Она придумала такой убедительный обман, сплетая ложь с такой тщательностью, что Темпест чуть не потерял себя. Он помнил удушающее чувство беспомощности, неспособность доверять тому, что видели его собственные глаза.

И вот он снова здесь, стоит в комнате Фурины, и всё кажется слишком похожим. Её весёлое, почти преувеличенно радостное поведение казалось наигранным, и это только усиливало его подозрения.

"Это правда, леди Фурина?"

Темпест задумался, его мысли закручивались в спираль.

"Или это просто еще одна жестокая игра?"

Он неосознанно сжал кулаки, ожидая, что комната вокруг него растворится в тени, а лицо Фурины превратится в нечто чудовищное, как это делали иллюзии Коломбины.

Но ничего не изменилось. В комнате ничего не изменилось, и игривый блеск в глазах Фурины не угасал. И всё же маска, которую она носила, была тщательно продуманной, и это нельзя было отрицать. Теперь он мог видеть её насквозь, даже если она думала, что хорошо это скрывает.

Голос Фурины прорвался сквозь его круговорот мыслей, вернув его в настоящее. Он моргнул, осознав, что слишком долго стоял, погрузившись в свои мысли. Тревога всё ещё не отступала, но её голос успокоил его, по крайней мере, на данный момент.

Он ответил немного дрожащим голосом, пытаясь взять себя в руки.

Фурина слегка наклонила голову, в её игривом выражении лица читалось лёгкое беспокойство.

«Ты смотрел в пустоту. Ты слышал, что я только что сказал?»

Она слегка прищурилась, словно пытаясь понять, что происходит за его маской.

Темпест неловко поёрзал, осознав, что погрузился в свои мысли, борясь с подозрениями и воспоминаниями. Он выдавил из себя слабую улыбку, пытаясь отбросить сомнения, по крайней мере на время.

— Я... прошу прощения, миледи. Должно быть, я отвлёкся.

Он ответил, хотя напряжение в его голосе выдавало его.

Фурина внимательно наблюдала за ним, в её глазах по-прежнему читалась игривость, но теперь в них было что-то ещё. Любопытство? Беспокойство? Трудно было сказать.

— Тебя что-то беспокоит, Темпест? Ты ведёшь себя немного... рассеянно.

Спросила она, ее голос смягчился.

Темпест стиснул зубы, не зная, как ответить. Должен ли он рассказать ей о своём растущем беспокойстве, о странном изменении в её поведении, которое так сильно напомнило ему манипуляции Колумбины? Нет, это вызовет только больше вопросов, на которые он не был уверен, что хочет отвечать. Вместо этого он сделал вдох и выпрямился.

"Ничего подобного, миледи..."

Наконец сказал он, на этот раз его тон был более сдержанным.

— У меня просто был тяжёлый день. Вот и всё.

Фурина приподняла бровь, но не стала настаивать. Вместо этого она вздохнула и подошла к нему чуть ближе.

— Что ж, надеюсь, вы не слишком устали, чтобы рассказать мне, почему вы здесь в такой час, пробираясь на мой балкон...

Сказала она, и в ее голосе снова зазвучало обычное озорство.

Перемена в настроении была почти головокружительной, но Темпест заставил себя сосредоточиться, отложив на время терзающие его сомнения. Он пришёл сюда не просто так, и ему нужно было вернуться на правильный путь, пока постоянно меняющиеся прихоти Фурины не завели его совсем в другое место.

"Я хотел найти в ней утешение..."

Темпест задумался, глядя на Фурину, которая двигалась с присущей ей энергией. Но что-то не давало ему покоя, какое-то смутное сомнение, от которого он не мог избавиться.

«Эта внезапная перемена в ней... мне не по себе. С ней всё в порядке?»

Он внимательно наблюдал за ней, игривый блеск в ее глазах скрывал что-то более глубокое, что-то более темное. Она только что перестала быть холодной и отстраненной, почти разъяренной, когда он прикоснулся к этой книге, и стала игривой и дразнящей, как будто этого момента никогда и не было.

Он хотел довериться ей, поделиться грузом, который давил на него после всего, что случилось сегодня вечером. Но как он мог, когда она казалась... не в себе? Как будто она носила маску, скрывая свою истинную сущность даже от него. От этой мысли у него сдавило грудь.

"Она что-то скрывает?"

Его взгляд скользнул по ней, когда она повернулась к нему, и на её лице снова появилась игривая улыбка. Это было похоже на то, как если бы он смотрел на картину, красивую, но далёкую, словно он не видел настоящую картину под поверхностью.

"Она тоже борется?*"

Он задавался вопросом, его разум лихорадочно работал.

"С вами все в порядке, миледи?"

— наконец спросил Темпест мягким, но обеспокоенным голосом. Он больше не мог сдерживаться. Женщина, которая была ему дороже всех на свете, явно с чем-то боролась, и это терзало его. Он хотел помочь, облегчить её ношу... если бы она позволила.

Фурина повернулась к нему, на долю секунды широко раскрыв глаза, прежде чем на её лице появилась привычная дразнящая улыбка.

— Я в полном порядке, Темпест.

Она сказала, пренебрежительно махнув рукой, как будто его вопрос был абсурдным.

— Очевидно, что это у тебя проблемы, судя по твоей обгоревшей одежде и измождённому виду. Ты серьёзно прокрался на мой балкон только для того, чтобы спросить, всё ли со мной в порядке?

Её голос был лёгким, почти игривым, но Темпест чувствовал скрытое за ним напряжение, словно натянутую струну. Она хорошо скрывала его, маскируя свои эмоции остроумием и обаянием. Но на этот раз он не купился на это. Он видел боль, написанную её почерком, отчаянные слова, заполнявшие страницы той книги, и теперь её резкая перемена в поведении лишь подтвердила его подозрения.

Начал он, но она перебила его.

Она повторила, на этот раз чуть резче, хотя улыбка осталась на её лице. Она отвернулась, занявшись перестановкой нескольких предметов на своём столе, словно избегая его взгляда.

— Тебе правда не стоит беспокоиться обо мне.

Но Темпест не был в этом уверен. Он достаточно хорошо знал её, чтобы понять, когда она уходит от темы, и ему было больно видеть, что она делает это сейчас. Он лихорадочно размышлял, как достучаться до неё, не давя слишком сильно, не заставляя её ещё больше закрываться. Он хотел помочь, разделить с ней её ношу, но мог сделать это, только если она впустит его.

Он начал снова, тщательно подбирая слова.

— Вы мне небезразличны, миледи. Больше, чем вы думаете. Если вас что-то беспокоит, вам не обязательно справляться с этим в одиночку.

Фурина на мгновение замерла, по-прежнему стоя к нему спиной. Ее пальцы вцепились в край стола, костяшки побелели, но когда она обернулась, ее улыбка вернулась, такая же яркая и ослепительная, как всегда. И все же за этим Темпест могла видеть, как начинают проступать трещины.

"Но поверь мне. Все просто прекрасно".

Она что-то скрывала. И Темпест чувствовала это как никогда.

Темпест глубоко вздохнул, чувствуя, как на него наваливается груз этого момента. Он ощущал дистанцию между ними, и не только физическую, и это его беспокоило. Но если она не хотела открываться, он мало что мог сделать. Он повернулся к балкону, слегка опустив плечи, понимая, что это не тот результат, на который он надеялся.

"Прошу прощения за столь позднее вторжение..."

Темпест пробормотал низким голосом.

— Тогда я оставляю это на ваше усмотрение... Но знайте, я всегда к вашим услугам, миледи... когда бы вы ни понадобились мне.

Он положил руку на дверь балкона, готовясь прыгнуть в ночное небо, подальше от дворца Мермония. Его разум был затуманен беспокойством, на сердце было тяжело. Он пришёл сюда в надежде обрести покой, возможно, даже утешить её, но теперь чувствовал себя ещё более далёким от неё, чем когда-либо.

Когда ветер взметнул его плащ и он приготовился к прыжку, в голове Фурины промелькнула отчаянная мысль, которую она больше не могла игнорировать.

«Нет... не уходи... пожалуйста...»

Её пальцы дрожали, пока она наблюдала, как он подходит ближе к краю балкона. Эмоции, которые она сдерживала, стены, которые она возвела вокруг себя, — всё это, казалось, рухнуло в одно мгновение.

Фурина действовала, не задумываясь, её ноги двигались сами по себе. Когда Темпест уже собирался прыгнуть, она бросилась вперёд, вытянув руку и схватив его за запястье. Хватка была крепкой, наполненной безмолвной мольбой, которую она не могла выразить словами. Теперь ей было всё равно, как она выглядит. Её широко раскрытые и блестящие в бледном лунном свете глаза говорили о многом — о том, в чём она боялась признаться.

Она ахнула, голос застрял у нее в горле.

Он замер на полпути, удивлённо оглянувшись на неё. Игривая маска исчезла, уступив место искренней уязвимости. Она вцепилась в его руку, слегка дрожа, словно боялась, что если отпустит её, то потеряет его навсегда.

Прошептала она, ее голос был едва слышен.

— Пожалуйста... не оставляй меня одну.

Её слова повисли в воздухе между ними, тяжёлые и хрупкие. Сердце Темпеста пропустило удар. Он всегда знал, что за её маской скрывается нечто большее, но, когда он услышал это от неё, почувствовал, как она отчаянно сжимает его запястье, это поразило его сильнее, чем он ожидал.

Мгновение они оба стояли неподвижно под звёздным небом. Темпест смотрел ей в глаза, подбирая нужные слова. Это была не та Фурина, к которой он привык, не смелый, уверенный в себе Архонт, у которого всегда была остроумная реплика или игривое поддразнивание. Это была уставшая женщина, которая слишком долго несла своё бремя.

— наконец тихо сказал Темпест, полностью повернувшись к ней. Он осторожно накрыл её руку

своей, и его лицо смягчилось.

«Я здесь. Я всегда буду рядом. Тебе не нужно нести это в одиночку».

Фурина сглотнула, у неё перехватило дыхание, прежде чем она медленно кивнула. Напряжение в её плечах ослабло, но она продолжала крепко сжимать его руку, словно боялась, что он исчезнет, если она его отпустит. Впервые за долгое время она почувствовала что-то близкое к облегчению, но не из-за груза своих обязанностей, а из-за присутствия того, кому она небезразлична.

Темпест остался, его пристальный взгляд не отрывался от нее, ожидая, когда она найдет нужные слова. В этот тихий момент что-то изменилось между ними, молчаливое понимание, которое выходило за рамки слов.

Темпест мягко направлял её, по-прежнему держа её руку в своей, и они вернулись в её комнату. Фурина опустила голову, её лицо было скрыто под длинными серебристо-голубыми волосами, а игривое настроение, которое было у неё раньше, полностью исчезло. Тишина между ними была напряжённой, наполненной невысказанными словами и эмоциями, которые она не могла выразить.

Когда они вошли в тускло освещённую комнату, Темпест огляделся в поисках места, где они могли бы сесть. Он заметил край огромной кровати Фурины и подвёл её к ней. Они сели рядом, и тяжесть момента нависла над ними, как грозовая туча. Мерцающий свет свечей добавлял интимности сцене, отбрасывая длинные тени по всей комнате.

Темпест повернулся к ней, и его голос стал мягче, а обычная строгость сменилась беспокойством.

— Что вас беспокоит, миледи?

— спросил он мягко, слегка наклонившись, словно пытаясь вывести у неё правду.

Фурина молчала, уставившись в пол. Она хотела ответить ему, правда хотела, но что-то глубоко внутри не давало ей заговорить. Её руки слегка дрожали, пока она боролась с собой, пока в её голове бушевала внутренняя битва. Она так долго скрывала это бремя, пряча его под слоями остроумия, обаяния и авторитета. Но теперь, сидя здесь с Темпестом, она чувствовала, что этот фасад стал тоньше бумаги.

Она запнулась, пытаясь найти в себе силы. Но прежде чем она успела продолжить, в её сознании эхом отозвался знакомый голос, холодный и непреклонный.

«Ты не можешь сказать ему... ради него, ради Фонтейна. Ты знаешь, что произойдёт».

Голос остановил её, застряв в горле. Она приоткрыла губы, но ничего не произнесла. Она крепко сжала ткань платья, костяшки пальцев побелели от внутренней борьбы.

«Я больше не могу так! Пожалуйста! Просто позволь мне сказать ему! Хотя бы ему!»

Фурина мысленно закричала, чувствуя, как отчаяние поднимается, словно волна, угрожая утопить её.

Но голос оставался твердым, его тон резким и неумолимым.

«Ты же знаешь, что не можешь этого сделать. Чтобы защитить их, защитить его, ты должен молчать».

На глаза Фурины навернулись слёзы, но она быстро сморгнула их, прежде чем они успели скатиться по щекам. Она не могла показать ему эту свою сторону, не могла позволить ему увидеть её слабость. Она должна была быть сильной ради себя, ради Фонтейна, ради всех. Но груз всего этого казался невыносимым, и впервые за долгое время ей захотелось опереться на кого-нибудь, хотя бы на мгновение. Ей захотелось впустить его в свою жизнь.

Но голос был прав. Она не могла. Даже ради него.

Темпест внимательно наблюдал за ней, замечая, как на её лице мелькают эмоции, пока она борется со своими мыслями. Он чувствовал смятение, боль, которую она скрывала, и это разрывало его на части. Ему хотелось протянуть руку, взять её за руку и заверить, что, что бы это ни было, они смогут справиться с этим вместе. Но он также знал, что не может заставить её говорить, пока она не будет готова.

Он ждал, давая ей время, в котором она нуждалась, хотя каждая секунда её молчания только усиливала его беспокойство.

Голос Темпеста был мягким, но в нём слышалось беспокойство, когда он окликнул её, вглядываясь в её лицо в поисках ответов.

Фурина медленно повернулась к нему лицом, её глаза наполнились невыплаканными слезами. Она отчаянно пыталась сдержать их, но бушевавшие в ней эмоции были слишком сильны. На мгновение она показалась уязвимой, беззащитной, словно груз её секретов был слишком тяжёл, чтобы она могла нести его в одиночку.

Но затем, в одно мгновение, она выдавила из себя улыбку, которая не коснулась её глаз. Как будто она щёлкнула выключателем, вернув на место маску, не желая, чтобы кто-то, особенно он, увидел её истинную уязвимость.

— сказала Фурина мягким, но напряжённым голосом. Это была ложь, и они оба это знали, но она всё равно это сказала, надеясь, что так всё покажется не таким сложным.

Темпест нахмурился, и его сердце упало, когда он услышал эти слова. Он ни на секунду ей не поверил. Она улыбнулась ему той же улыбкой, что и при председательстве в Фонтейнском суде, той улыбкой, с помощью которой она держала всех на расстоянии, чтобы сохранять контроль над своим имиджем. Но сейчас всё было по-другому. Они были не в суде. Они были одни в тихой комнате, где настоящая она, женщина, скрывающаяся за Архонтом, стояла перед ним, пытаясь скрыть свою боль.

— Миледи... Я знаю, что вы не в порядке.

Темпест мягко ответил, его тон был твёрдым, но нежным, словно он пытался уговорить её ослабить защиту.

«Тебе не нужно скрывать это от меня. Что бы это ни было, тебе не нужно нести это в одиночку».

Её натянутая улыбка на мгновение дрогнула, но она быстро взяла себя в руки. Ей так сильно хотелось поверить ему, впустить его в свою жизнь, но внутренний голос, который так долго заставлял её молчать, сдерживал её.

«Ты не можешь ему сказать. Защити его от правды».

Фурина крепче сжала ткань платья, борясь с собой. Она была Гидро Архонтом, правительницей Фонтейна. Она должна была быть сильной, непоколебимой. Но здесь, в этой тихой комнате, когда Темпест смотрела на неё с таким беспокойством, ей казалось, что стены, которые она возвела вокруг себя, начинают рушиться.

Она прошептала едва слышно. Она слегка покачала головой, отказываясь встречаться с ним взглядом.

«Я не могу обременять тебя этим...»

Темпест слегка наклонился к ней, и у него защемило сердце при виде её такой. Он хотел обнять её, сказать, что бы это ни было, они справятся вместе, что он будет рядом с ней, несмотря ни на что. Но он знал, что лучше не давить на неё. Фурина была гордой, и её гордость не позволила бы ей так легко открыться.

— Ты не обуза для меня, Фурина.

— мягко сказал Темпест, используя её имя вместо официального титула, которым он обычно к ней обращался.

«Ты никогда не сможешь. Я здесь ради тебя, что бы ни случилось».

У Фурины перехватило дыхание, и на мгновение она почти поверила ему. Почти. Но внутренний голос не давал ей покоя.

«Не говори ему. Не втягивай его в это».

У неё болело сердце, и хотя ей отчаянно хотелось опереться на него, найти утешение в его словах, она не могла.

— сказала Фурина, едва сдерживая голос, и смахнула слезу, скатившуюся по щеке.

— Но с некоторыми вещами... мне просто нужно разобраться самой.

Темпест мог только кивнуть, хотя каждой клеточкой своего существа хотел протянуть руку и забрать её боль. Он знал, что сейчас не время давить на неё, но не мог избавиться от ощущения, что на её душе лежит что-то ужасное, чем она не готова поделиться, но отчаянно нуждается в этом.

И вот они сидели в тишине, невысказанные слова повисли в воздухе, а их эмоции тяжким грузом давили на них. Темпест оставался рядом с ней, предлагая своё присутствие, хотя и знал, что пока это всё, что он может сделать.

— Если я расскажу тебе свой секрет, ты расскажешь...

Слова Темпеста затихли, когда он взглянул на Фурину, и его взгляд смягчился при виде её.

Фурина заснула, нежно положив голову ему на плечо. Напряжение, охватившее её несколько мгновений назад, рассеялось во сне, оставив после себя умиротворённое, хотя и слегка болезненное выражение лица. Её обычно резкая и властная манера поведения сменилась чем-то гораздо более хрупким, даже уязвимым.

Но больше всего Темпест поразило то, что на её ресницах всё ещё висела слеза. Она блестела в тусклом свете комнаты, а затем медленно скатилась по щеке, повторяя путь многих других слёз, которые падали до этого. Даже во сне она не могла полностью избавиться от мучивших её терзаний.

Сердце Темпеста сжалось при виде этого зрелища. Эта женщина, Гидро Архонт, которую почитал весь народ, сидела здесь, рядом с ним, спала и беззвучно плакала. Он не мог не почувствовать глубокую пропасть одиночества, которую она, должно быть, скрывала ото всех, даже от него.

Он тихо вздохнул, стараясь не потревожить её сон. Осторожно подняв руку, он помедлил мгновение, прежде чем смахнуть слезу, задержавшуюся на её щеке. Его прикосновение было лёгким, почти как будто он боялся, что это разбудит её и напомним обо всех стенах, которые она возвела вокруг себя. Но она оставалась неподвижной, её дыхание было ровным, и он медленно убрал руку.

«Вы так много скрываете за своей улыбкой, не так ли, миледи?»

Темпест подумал про себя, ещё раз взглянув на неё. Он слегка пошевелился, чтобы ей было удобно опираться на него.

«Хотел бы я избавить тебя от этой боли, хотя бы на сегодня».

Он знал, что какой бы секрет она ни скрывала, он разрывал её изнутри. Он чувствовал это, ощущал в каждом слове, которое она не произносила, в каждом взгляде, который она пыталась скрыть за своей игривой маской. Но как бы сильно он ни хотел облегчить её ношу, он также знал, что она не готова поделиться этим, по крайней мере, пока.

И, возможно, по-своему это был единственный способ, которым она могла найти утешение в его объятиях, позволив себе отдохнуть рядом с ним, пусть даже ненадолго.

Темпест откинул голову назад и уставился в потолок, погружившись в свои мысли. Он пришёл сюда, чтобы найти утешение в ней, сбежать от тьмы, которая росла внутри него после всего, через что он прошёл. Но теперь, сидя здесь с ней, он понял, что они оба оказались в ловушке собственных проблем, скованные тяжестью невысказанных слов.

— Полагаю, у нас обоих есть свои секреты, не так ли?

Он тихо прошептал, скорее себе, чем ей, и закрыл глаза, чувствуя, как на них опускается тяжесть ночи. В комнате было тихо, если не считать размеренного дыхания Фурины. И впервые за долгое время Темпест почувствовал умиротворение, пусть и мимолетное.

Шли минуты, а он неподвижно стоял рядом с ней, наблюдая за тем, как она спит, и в его голове всё ещё крутились вопросы без ответов и невысказанные признания. Но сейчас он даст ей отдохнуть.

Темпест осторожно поднял Фурину на руки, прижав к груди, и поднёс ближе к кровати. Тепло её тела было одновременно успокаивающим и болезненным, напоминая о том, какой она была тяжёлой, и о хрупкости её духа. Опустив её на мягкие простыни, он немного поправил её положение, чтобы ей было удобно и безопасно.

Пробормотал он, его голос был едва громче шепота, как будто боялся нарушить хрупкий покой, установившийся вокруг нее. Он бросил последний взгляд на ее безмятежное лицо, нежные

вздымания и опускания ее груди успокаивали его бешено колотящееся сердце.

С нежностью, которая скрывала бурю внутри него, он взял её за руку и провёл большим пальцем по её тонким пальчикам. Затем он наклонился и нежно поцеловал тыльную сторону её ладони, безмолвно поклявшись защищать её.

"Я не позволю тебе страдать в одиночестве".

Он тихо пообещал, словно делясь словами со звёздами за её окном.

Он неохотно повернулся, чтобы уйти, понимая, что момент упущен, но не в силах избавиться от ощущения, что ему нужно действовать. Подходя к балкону, он двигался как можно тише, каждый шаг был продуманным и размеренным, чтобы не потревожить её сон.

«Я знаю, что ваши проблемы связаны с пророчеством. Я найду решение, так или иначе. Если этот народ должен утонуть, он сделает это без вас».

<http://tl.rulate.ru/book/123082/5157029>